

— Ладно, не переживайте. Я разберусь, — как всегда мягко улыбнулся Чжун Цзыци. В его спокойной, тёплой улыбке не было ни тени тревоги — словно не существовало в мире ничего, что могло бы поставить его в тупик. И потому окружающие невольно верили ему.

— На сегодня хватит. Всё равно людей почти нет, давайте собираться и возвращаться, — после недавнего неприятного инцидента у их прилавка не осталось ни одного покупателя. Другие торговцы поглядывали на них с плохо скрываемым злорадством, словно радовались, что лишились сильного конкурента.

Что ж, так даже лучше. Чжун Цзыци воспользовался случаем и свернул лавку — у него совсем не было настроения продолжать.

— Мм? Почему вы сегодня так рано вернулись? — с удивлением спросил Хуан амо, глядя на них. Услышав голоса, из комнаты вышел и дядюшка Хуан.

— Да... кое-что случилось, поэтому решили вернуться пораньше. Вот плата за сегодняшний день, — Чжун Цзыци протянул четыре медные монеты. Его улыбка оставалась безупречной, ничем не выдавая внутреннего состояния. Лишь Чжао Нин и Чжао Шэн улыбались натянуто, едва сдерживая напряжение.

Проводив четверых, Хуан амо сразу же, став серьёзнее, повернулся к дядюшке Хуану:

— С этими ребятами что-то не так... Может, случилось что-то?

Дядюшка Хуан тоже нахмурился. Они были людьми опытными — разве могли не заметить? Цзыци-гэ ещё держался, скрывая свои чувства, но вот Чжао Шэн и Чжао Нин совершенно не умели прятать переживания: всё читалось у них на лицах, как на ладони.

— Пойду разузнаю, — он стряхнул складки с одежды и вышел. На пристани у него было немало знакомых — достаточно было спросить, и всё станет ясно.

Хуан амо остался дома, тревожно ожидая. На душе было беспокойно, будто предчувствие беды не давало покоя. Вскоре дядюшка Хуан вернулся — лицо его потемнело, а во взгляде читалась тревога.

— Ну что? Случилось что-то? — поспешно спросил Хуан амо, надеясь, что он просто зря накручивает себя.

— Говорят, люди из ресторана «Чаншунь» приходили.

— Что?! Это... это же... что теперь делать? Бедные дети! Только-только начали жить лучше... — Хуан амо побледнел от ужаса. Они жили в этом городке не первый год и прекрасно знали расстановку сил.

Ресторан «Цзиньхуа» был самым крупным в округе. Сила, стоящая за ним, была столь могущественной и таинственной, что никто не осмеливался даже подумать о том, чтобы вступить с ними в конфликт. А «Чаншунь» занимал второе место — уступая лишь «Цзиньхуа». За ними тоже стояла поддержка: уездный магистрат из города Фэнъян был их покровителем за кулисами.

Город Фэнъян находился неподалёку от посёлка Циншуй, но путь туда был неблизкий — добираться приходилось по воде. Семья Чан там считалась всего лишь небогатым родом,

однако позволяла себе вести себя столь бесцеремонно по одной причине: в их доме бы гер — юноша редкой, почти цветочной красоты. Насколько преувеличивали его внешность — никто точно не знал, но факт оставался фактом: он приглянулся уездному магистрату, стал его наложником и пользовался такой благосклонностью, что едва ли не сравнялся в положении с законным супругом.

Получив любовь и покровительство, этот гер щедро осыпал родных золотом и подарками. Семья Чан быстро расправила плечи, становясь всё более дерзкой и заносчивой. Его младший брат, пусть и человек не слишком достойный, всё же обладал деловой хваткой. С опорой на поддержку старшего он открыл винный дом — тот самый в Циншуге. В Фэнъяне же они не рискнули закрепляться: во-первых, рынок там уже был переполнен, а во-вторых, законный супруг магистрата обладал собственной властью и влиянием, так что лишние столкновения им были ни к чему.

Нынешний управляющий «Чаншунь» тоже происходил из этой семьи — ленивый, прожорливый, но, получив опору за спиной, начал вести себя как настоящий хозяин жизни. Впрочем, «Чаншунь» не зря стал вторым по величине заведением в Циншуге: за его успехом стояла не только кухня, но и множество «особых» блюд, добытых далеко не самыми честными путями.

Особенно они враждовали с «Цзиньхуа». Ведь тот фактически держал в руках весь поток клиентов в городе. И хотя «Чаншунь» считался вторым, истинную пропасть между ними понимали лишь сами владельцы.

И потому всё, что привлекало внимание «Цзиньхуа», «Чаншунь» неизменно пытался отобрать. К тому же за «Цзиньхуа» стоял человек, который почти никогда не появлялся на людях. Мелкие стычки и скрытая вражда были обычным делом, но до настоящего столкновения никто не решался дойти — именно эта неизвестность и внушала страх.

Теперь же управляющий «Чаншунь» разгуливал по Циншугу, словно хозяин, не ведая преград. Его боялись, перед ним трепетали. И то, что Цзыци оказался у него на пути... сулило большие неприятности.

Они молча вернулись в деревню Чжао.

Чжао Нин и Чжао Шэн хотели зайти к Чжун Цзыци, чтобы обсудить, что делать дальше, но он остановил их:

— Я знаю, как поступить. Возвращайтесь и скажите Чжао амо, чтобы больше не собирали овощи. Остальное пока оставьте у себя.

У обоих на душе стало беспокойно. Обмениваясь тревожными взглядами и оглядываясь через плечо, они всё же ушли домой.

Улыбка, которую Чжун Цзыци держал весь день, медленно ушла с лица.

— Жена... не грусти. Чжэнъань защитит тебя, — с тревогой сказал Чжао Чжэнъань, глядя на него. Он не боялся — лишь беспокоился.

— Ага. Я тебе верю, — рассеянно улыбнулся Чжун Цзыци.

Чжао Чжэнъань осторожно держался рядом, боясь лишний раз заговорить и нарушить его тишину. Видя его робкую заботу, Чжун Цзыци невольно усмехнулся и мягко потрепал его по

голове. Но в душе царил беспорядок — впервые он по-настоящему столкнулся с пугающей силой такого рода власти.

В современном мире закон хотя бы сдерживал людей — никто не осмелился бы так открыто давить других. Но здесь, где «горы высоки, а император далеко», простой народ был лишён прав. Достаточно было иметь немного власти и денег — и можно было растоптать человека, не оставив ему ни шанса подняться.

Впервые он почувствовал себя таким бессильным. Впервые — горечь жизни маленького человека.

Но он не собирался сдаваться.

Он не стремился к несметному богатству или славе — лишь к спокойной, обеспеченной жизни. И все преграды на этом пути он намерен был преодолеть одну за другой.

— Проголодался? Я приготовлю, — разобравшись с мыслями, Чжун Цзыци собрался с духом и направился на кухню.

— Я помогу тебе, жена, — тут же поднялся Чжао Чжэнъань и пошёл следом.

Да Хэй и Сяо Хэй примчались со двора, виляя хвостами, и тоже попытались юркнуть следом на кухню. Чжао Чжэнъань тут же их остановил — Цзыци говорил, что в кухню им нельзя, иначе испортят еду.

— У-у... гав, — жалобно пискнул Сяо Хэй, глядя своими влажными, умоляющими глазами.

— Нельзя, — покачал головой Чжао Чжэнъань. — Жена не разрешает. Идите играть во двор.

Он достал из шкафа большую кость и бросил её им. Да Хэй и Сяо Хэй тут же забыли о кухне — схватили добычу и, радостно подпрыгивая, унеслись прочь.

Днём есть совсем не хотелось, поэтому Чжун Цзыци просто приготовил две миски холодной лапши, добавил туда по варёному яйцу — и всё равно вышло на удивление вкусно.

После еды он убрал посуду, зашёл в спальню и на мгновение задумался... а затем принялся перерывать сундуки и шкафы.

Чжао Чжэнъань испуганно вздрогнул:

— Жена, ты что ищешь? Чжэнъань поможет!

— Стой на месте.

Чжун Цзыци вытащил одежду, которую они забрали при разделе семьи — главным образом те самые потрёпанные вещи Чжао Чжэнъаня. С тех пор как они начали торговать, он купил им по одной новой одежде, а потом так и забыл. Старые тряпки всё это время не выбрасывали — и вот теперь онигодились.

Он бросил одну из них Чжао Чжэнъаню:

— Надень.

Тот, не задавая лишних вопросов, послушно переоделся. Сам Чжун Цзыци отвернулся и тоже сменил одежду.

Он собирался снова отправиться в город — но на этот раз нужно было быть осторожным. Нельзя, чтобы его узнали.

Лишь надев одежду, он по-настоящему ощутил, насколько она изношена — особенно рукава и подол, стёртые тяжёлой работой. В груди кольнуло неприятное чувство — смесь вины и жалости. Но времени на размышления не было.

Поверх старых вещей он накинул приличную одежду, и они с Чжао Чжэнъанем вышли из дома.

Сначала направились к дому дяди Чжао. Чжун Цзыци решил не экономить на нескольких медяках — лучше доехать до посёлка на повозке и разобраться со всем как можно быстрее.

У дядюшки Чжао уже был замужний сын, а внуку исполнилось три года. В доме царили мир и тепло. Когда Чжун Цзыци пришёл, вся семья как раз сидела за столом и обедала. Услышав, зачем он пришёл, дядя Чжао доел последний кусок и поднялся — запрягать лошадь.

— Цзыци-гэ, вы уже ели? Может, перекусите с нами? — радушно предложил хозяин дома. Они прониклись к нему симпатией — парень им нравился.

— Нет-нет, амо, мы уже поели. Вы кушайте, не отвлекайтесь... Извините, что побеспокоили, — неловко улыбнулся Чжун Цзыци.

— Да какое там беспокойство! Заходите почаще. Заодно с нашим Линцзы поболтаешь.

Линцзы — их «невестка» — смущённо улыбнулся ему в ответ. Малыш на его руках вдруг расплылся в широкой улыбке, на щёчках проступили ямочки — и Чжун Цзыци невольно умилился.

— Конечно.

К этому времени дядюшка Чжао уже подготовил повозку. Попрощавшись, Чжун Цзыци и Чжао Чжэнъань забрались на неё и отправились в путь.